

УЧЕНИЕ КАНТА О ПРОСТРАНСТВѢ.

(Разъяснение и критика).

Критическій взглядъ часто прославляли за скромность, но при такой скромности наукѣ скоро пришлось-бы ходить съ сумою по міру.

Тренделенбургъ.

Канта нельзя обойти тому, кто хочетъ заниматься философіею серьезно. Его идеи необходимо изучить и критически продумать: иначе онъ будетъ вѣчно стоять предъ сознаніемъ темнымъ и смущающимъ призракомъ.

„Канта не трудно опровергнуть, но очень трудно понять“. Не смотря на кажущуюся странность, этотъ часто повторяемый афоризмъ заключаетъ въ себѣ вполне вѣрную мысль. Исторія показываетъ, что Кантъ былъ правъ, когда опасался не столько опроверженія, сколько перетолкованія. Дѣйствительно, въ громадной Кантовской литературѣ легче встрѣтить книгу, которая торжествуетъ надъ Кантомъ легкую побѣду, чѣмъ сочиненіе, которое вводитъ въ истинное разумѣніе его идей. А между тѣмъ къ сознанію несостоятельности Кантовой философіи можно подняться именно только путемъ углубленія въ ея подлинный смыслъ: философію Канта необходимо прежде всего продумать,—продумать въ ея связи, основаніяхъ и слѣдствіяхъ, — и тогда сама собою откроется ея роковая односторонность.

Нижеслѣдующія страницы представляютъ попытку отнестись именно такимъ образомъ къ ученію Канта о пространствѣ, — показать, что, если мы возьмемъ соотвѣтствующіе тезисы „Трансцендентальной Эстетики“ въ ихъ подлинномъ смыслѣ, то тѣмъ самымъ для насъ сдѣлается очевидною

ихъ коренная несостоятельность. Но, конечно, такой приемъ нисколько не исключаетъ, — даже требуетъ, сопоставленія идей Канта, для правильнаго опредѣленія ихъ цѣнности, съ другими, научно обоснованными, положеніями въ области того-же вопроса.

Въ ученіи Канта о пространствѣ три основныхъ мысли. Мы будемъ разсматривать ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ изложены у самаго Канта ¹⁾).

1. Первоначальность (апріорность) представленія о пространствѣ.

Кантъ начинаетъ свое изложеніе съ ближайшаго вопроса, — съ выясненія характера нашего званія о пространствѣ. Какъ на первую, самую характерную и важную, черту его онъ указываетъ на изначальность (апріорность) пространства.

¹⁾ *Файгингеръ* въ своемъ знаменитомъ „Комментаріи къ Кантовой Критикѣ чистаго разума“ (*Vaihinger: Commentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft. Stuttgart. B. I—1881, B. II—1892; сочиненіе далеко не окончено*) отводитъ разъясненію Кантовскаго ученія о пространствѣ, какъ оно изложено въ Кр. ч. р. (§§ 2—3), *свыше двухсотъ* стр. (123—367) большого формата и весьма убористаго прифга. Можно себѣ представить, на основаніи этого, до какихъ размѣровъ могла-бы разрастись наша настоящая статья, еслибы мы захотѣли слѣдовать Файгингеру въ разъясненіи всѣхъ частныхъ! Мы не ставимъ себѣ, поэтому, задачей написать *полную* монографію по занимающему насъ вопросу; но ограничиваемся лишь вопросами общими и основными. — Пособіями, при составленіи настоящей монографіи, кромѣ упомянутаго „Комментарія“ Файгингера (который въ *объяснительной* части, — критики у Файгингера почти нѣтъ, — служилъ для насъ главнымъ руководителемъ), для насъ служили слѣдующія книги: 1) *Cohen: Kants Theorie der Erfahrung, Berlin, 1871*; 2) *Riehl: der phil. Criticismus, B. I—II, Leipzig, 1876—9* (пособіе для истолкованія Канта не особенно надежное, такъ какъ авторъ наклоненъ толковать тезисы „Трансцендентал. Эстетики“ съ точки зрѣнія раннѣйшихъ догматическихъ взглядовъ Канта, что исторически совсѣмъ недопустимо); 3) *Ed. v. Hartmann: Kritische Grundlegung des transc. Realismus, Berlin, 1885* (собственно для критики—стр. 118—138); 4) Проф. *А. А. Козловъ*: а) „Генезисъ Трансц. Эстетики Канта“, Кіевъ, 1884 и б) „Свое Слово“, № 4, Спб. 1892; 5) *Тренделенбургъ*: Логическія изслѣдованія (русск. перев. 1868 г.), т. I, гл. VI; 6) Проф. *В. Д. Жудравецка*: Собраніе сочиненій, т. I, вып. 2-й, стр. 210 и слѣд.; 7) Преосв. *Никаноръ*: „Позитивная философія и сверхчувственное бытіе“, т. III, стр. 77—94.—„Критику чистаго раз.“ мы цитруемъ по изд. *Адикеца* (*Dr. Erich Adickes: Immanuel Kants Kritik der reinen Vernunft, Berlin, 1889*; лучшее изданіе Критики: исправный текстъ и ясныя, при краткости, примѣчанія историко-терминологическаго характера).

Въ понятіе апріорности, по Кантовской терминологіи, входитъ два признака: 1) независимость отъ опыта *по происхожденію* и 2) необходимость *въ составъ* нашего знанія (въ данномъ случаѣ въ составѣ опыта, — необходимость для опыта). Оба эти признака Кантъ и открываетъ въ нашемъ знаніи о пространствѣ, устанавливая каждый признакъ въ отдѣльномъ тезисѣ.

Первый тезисъ читается такъ:

„Пространство не есть эмпирическое понятіе, отвлекаемое отъ внѣшнихъ опытовъ. Вѣдь для того, чтобы извѣстныя ощущенія относились къ чему-то, внѣ меня находящемуся (т. е. къ чему-то находящемуся въ иномъ мѣстѣ пространства, а не въ томъ, въ которомъ я), равно какъ и для того, чтобы я могъ представлять ихъ внѣ и рядомъ другъ съ другомъ, слѣдовательно не просто какъ различныя, но какъ находящіяся въ различныхъ мѣстахъ, — для этого мы должны уже имѣть представленіе о пространствѣ (оно должно уже лежать въ основѣ всѣхъ этихъ процессовъ отнесенія во-внѣ¹⁾). Слѣдовательно, представленіе пространства не можетъ быть добыто чрезъ опытъ изъ отношеній внѣшнихъ явленій; но самъ этотъ внѣшній опытъ первоначально (allererst) возможенъ только чрезъ примыпляемое (gedachte) представленіе (пространства)“.

Смыслъ приведеннаго Кантовскаго тезиса кратко можетъ быть выраженъ такъ: „наше представленіе о пространствѣ не происходитъ изъ внѣшняго опыта, ибо образуетъ его *præcuius*, — дано раньше опыта, предшествуетъ ему“. Однако, и въ этой формулировкѣ тезисъ Канта не вполне ясенъ. Дѣло въ томъ, что понятіе *предшествованія* или *предваренія* (ощущеній представленіемъ пространства) можетъ быть понято въ двоякомъ смыслѣ, — въ смыслѣ психологическомъ (въ смыслѣ предшествованія во времени, въ психологическомъ познавательномъ процессѣ) и въ смыслѣ логическомъ (въ смыслѣ внутренней зависимости моментовъ или элементовъ опыта, въ смыслѣ ихъ обусловленности однихъ другими). Въ первомъ случаѣ мы можемъ истолковывать предвареніе опять таки въ двоякомъ смыслѣ: какъ непосредственно сознаваемое (предвареніе ощущеній представленіемъ пространства) въ развитомъ сознательномъ опытѣ; или-же — какъ непосредственно несознаваемое, уходящее въ глубину досознательной жизни, и потому открываемое лишь путемъ послѣдующаго анализа. Въ какомъ изъ этихъ трехъ смысловъ мы должны истолковать тезисъ Канта?

¹⁾ Поясненіе въ скобкахъ: „оно.... во внѣ“ — *наше*.

Прежде всего, мы не можемъ истолковывать тезисъ Канта въ первомъ смыслѣ т. е. въ смыслѣ непосредственно сознаваемаго предваренія ощущеній представленіемъ пространства въ развитомъ опытѣ: при такомъ толкованіи тезисъ противорѣчилъ-бы не только показаніямъ нашего сознанія, но и тому пониманію существа дѣла, какое, какъ открывается изъ другихъ мѣстъ Критики, имѣлъ самъ Кантъ. Въ самомъ дѣлѣ, что говорить намъ по данному вопросу наше сознаніе? Оно говоритъ, что нашему опыту въ готовой и развитой формѣ т. е. тому опыту, который слагается изъ представленій и воспріятій предметовъ и ихъ свойствъ отнюдь не предшествуетъ во времени готовое представленіе пространства, но что элементы пространства (отдѣльныя частныя протяженія) даны *одновременно* съ нашими воспріятіями,—какъ-бы переплетены съ ними. Даже въ ощущеніяхъ самыхъ субъективныхъ нашихъ чувствъ (каковы ощущенія обонянія, слуха) анализъ открываетъ присутствіе пространственныхъ элементовъ, что и выражается въ ихъ локализациі. Тѣмъ несомнѣннѣе ихъ присутствіе въ воспріятіяхъ чувствъ высшихъ (особенно въ зрительныхъ, что и дало нѣкоторымъ психологамъ основаніе разсматривать воспріятіе протяженія, а слѣдовательно и пространства какъ чисто „оптический феноменъ“). Такимъ образомъ, *по свидѣтельству сознанія, мы узнаемъ о пространствѣ не раньше опыта, но вмѣстѣ съ нимъ, въ немъ и черезъ него*. Если-же мы захотимъ изолировать элементы пространства отъ того чувственного матеріала, вмѣстѣ съ которымъ они даны въ нашемъ опытѣ; то намъ ничего другаго не останется, какъ пройти тѣмъ путемъ, который въ данномъ случаѣ Кантъ отвергаетъ т. е. путемъ абстракціи, при чемъ тотъ-часъ-же и обнаружится, что наше развитое представленіе о пространствѣ есть именно „эмпирическое понятіе, отвлекаемое отъ опыта“ (что отрицаетъ Кантъ). И замѣчательно, что самъ Кантъ, тутъ-же, въ предыдущемъ параграфѣ своей Критики, высказывается о предметѣ именно въ этомъ смыслѣ. „Если я,—говоритъ философъ,—изъ представленія какого-либо тѣла устранию все мыслимое въ немъ разсудкомъ, какъ-то: сущность, силу, дѣлимость и пр., а такъ-же все, относящееся въ немъ къ ощущенію, какъ-то: непропицаемость, твердость, цвѣтъ и пр., то отъ этого эмпирическаго

созерцанія останется еще нѣчто — именно протяженіе и образъ¹⁾). Итакъ, протяженіе и образъ или форма предмета, какъ разъясняетъ здѣсь Кантъ, суть абстракты, — понятія, полученные путемъ отвлеченія отъ конкретныхъ чувственныхъ созерцаній. Но отъ этихъ абстракцій мы легко можемъ сдѣлать и обыкновенно дѣлаемъ шагъ дальше, — именно мы можемъ въ отвлеченіи обособить, „абстрагировать“ *элементъ общій протяженію и фигурѣ*, исключивъ то, что отличаетъ протяженіе отъ фигуры или формы предмета. Вотъ этотъ то общій протяженію и фигурѣ элементъ мы и называемъ пространственностью. *Пространственность есть, слѣдовательно, эмпирическое понятіе, отвлекаемое отъ представленія протяженности и фигуры*. Отсюда еще одинъ маленькій шагъ и мы тѣмъ-же путемъ отвлеченія придемъ къ понятію о пространствѣ. Итакъ, мы не можемъ толковать тезисъ Канта въ смыслѣ предваренія ощущеній представленіемъ пространства *въ развитомъ опытѣ*, такъ какъ, во-1-хъ, это противорѣчило-бы показанію непосредственнаго сознанія и, во-2-хъ, Кантъ самъ допускалъ, по видимому (судя по приведенной выдержкѣ), участіе, въ образованіи развитаго представленія о пространствѣ, процессовъ отвлеченія отъ эмпирическихъ данныхъ. Мы должны, слѣдовательно, взять тезисъ Канта не въ этомъ внѣшнемъ, но въ болѣе глубокомъ и тонкомъ смыслѣ.

Въ виду неудовлетворительности перваго изъ вышенамѣченныхъ толкованій тезиса, перейдемъ ко второму толкованію. Съ этой новой точки зрѣнія вопросъ относительно разсматриваемаго тезиса можетъ быть поставленъ такъ: въ нашемъ развитомъ опытѣ, какъ мы только-что разъяснили, представленіе пространства не предваряетъ эмпирическаго матеріала (ощущеній); но, можетъ быть, въ нашей неразвитой, зародышевой, *досознательной* психической жизни совершается такое предвареніе? Можетъ быть, бессознательное размѣщеніе апостеріорныхъ элементовъ опыта (ощущеній) въ представленіи пространства, бессознательное связываніе ихъ пространственными формами, — быть можетъ, этотъ досознательный процессъ долженъ быть признанъ точкой отправления и необходимымъ условіемъ внѣшняго опыта?

¹⁾ Adickes. S. 69.

Въ такомъ случаѣ представленію пространства мы дѣйствительно должны были-бы усвоить первенство (prius) въ сравненіи съ остальными элементами опыта (ощущеніями),—и въ смыслѣ временнаго предваренія ихъ въ дозознательной жизни духа (въ смыслѣ „прирожденности“) и въ смыслѣ необходимаго условія, которое только и дѣлаетъ внѣшній опытъ возможнымъ. Итакъ, не должны-ли мы принять тезисъ Канта въ этомъ, исправленномъ и повидимому болѣе удовлетворительномъ, смыслѣ? — Долю правды въ тезисѣ Канта, при только что сдѣланномъ его истолкованіи, мы несомнѣнно признать должны: элементы опыта (ощущенія), которые вѣдь всѣ въ своей первичной формѣ характера внутренняго (какъ состоянія нашего сознанія), чтобы перейти изъ интенсивныхъ величинъ въ экстенсивныя, должны быть такъ сказать привязаны къ чему-либо безспорно и первоначально экстенсивному, — должны быть соотнесены, связаны съ чѣмъ нибудь, изначала имѣющимъ для насъ характеръ внѣшности. Но, признавъ въ Кантовскомъ тезисѣ эту долю истины, мы не можемъ однако принять его вполне въ той формулировкѣ, какая придана ему Кантомъ. Кантъ называетъ этотъ пространственный prius опыта *представленіемъ*¹⁾. Но, во-1-хъ, высказываетъ это положеніе со-

1) Что разумѣть здѣсь Кантъ подъ словомъ „представленіе“?—Вопреки довольно распространенному мнѣнію, по которому будто-бы „Канту никогда и въ голову не приходило утверждать природенность представленія о пространствѣ и времени“ (типичнымъ выразителемъ этого мнѣнія служить, наприм., Виндельбандъ,—см. только что появившееся на русскомъ языкѣ извлеченіе изъ его извѣстной Исторіи Философіи: „Философія Канта“, перев. Надежды Платоновой, Спб. 1895, стр. 66),—вопреки этому неправильному мнѣнію Файгингеръ, путемъ правильнаго сличенія отвоящихся сюда мѣсть, съ непрерываемою ясностью показываетъ, что Кантъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ именно *прирожденное представленіе т. е. совершенно опредѣленную заложенную въ нашей душѣ въ готовой формѣ (bereitliegende) мысль о пространствѣ* (созерцаніе, представленіе), которая не только *предшествуетъ во времени* всѣмъ нашимъ внѣшнимъ воспріятіямъ, но *предшествуетъ* именно, *какъ опредѣленная, совсѣмъ готовая, актуальная форма* (Commentar, II, 84-8), такъ что, по Файгингеру, въ Трансцендентальной Эстетикѣ „апріорное существованію тождественно съ природеннымъ“ (100). Впрочемъ, такъ какъ, при дальнѣйшемъ изложеніи своей „Критики“ (въ Тр. Аналитикѣ), Кантъ усвоитъ понятію апріорнаго уже не столько *психологическій* (= „врожденность“), сколько *гносеологическій* (= „необходимое условіе опыта“) смыслъ и въ самой тр. Эстетикѣ „пред-

вершено догматически, нисколько не пытаясь его доказать. Во-2-хъ, еслибы онъ и сдѣлалъ такую попытку, то безъ сомнѣнія она ему не удалась-бы, такъ какъ относить представленіе, въ установившемся смыслѣ этого термина, т.-е. какъ одну изъ формъ нашей *сознательной* мысли, въ *до-сознательную* жизнь духа по меньшей мѣрѣ странно. Что такое именно этотъ *ргіус* пространства, — есть-ли это смутное чувство протяженности нашего тѣла, какъ думаютъ одни, или непосредственное и изначальное воспріятіе границъ и протяженности, которыя даны во всѣхъ нашихъ зрительныхъ

ставленіе“ неожиданно превращается у него въ „форму чувственности“ (см. ниже, 3), которую онъ разсматриваетъ просто какъ потенцію или возможность образованія опредѣленнаго представленія о пространствѣ: то, „хотя всѣ комментаторы учили о *временномъ предвареніи* въшнихъ воспріятій представленіемъ о пространствѣ, однако большинство изъ нихъ добавляло, что это предвареніе есть лишь *потенціальное*, актуальнымъ-же представленіе о пространствѣ является лишь *чрезъ актъ и въ самомъ актѣ воспріятія*“ (168). Вотъ почему Кантъ иногда отличаетъ представленіе о пространствѣ, какъ *безсознательный апріорный факторъ воспріятія*, отъ апостеріорнаго *сознательнаго* представленія о немъ, отвлекаемаго отъ конкретныхъ пространственныхъ воспріятій (170). Конечно, если протолковать мысль Канта въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, то она не только не будетъ представлять ничего несомнѣннаго съ точною научно-психологическою постановкою вопроса, но прямо найдетъ въ современной психологіи для себя сильнѣйшую поддержку. Но если понимать ее въ первомъ смыслѣ, какъ именно, повидимому, и понимаетъ ее Кантъ *въ тезисахъ своей Эстетики*, тогда его теорія окажется въ прямомъ противорѣчій съ безспорными фактами, доказывающими несомнѣнное участіе, въ выработкѣ *опредѣленнаго сознательнаго* представленія о пространствѣ, *апостеріорныхъ* данныхъ. Не останавливаясь на этомъ вопросѣ (см. объ этомъ въ любой психологіи, — напр., въ недавно переведенныхъ на русск. язык. съ новаго изд. *Лекцій* Вундта о душѣ человѣка и животныхъ, Спб., 1894, стр. 150 и сл.—10-я лекц.), укажемъ здѣсь лишь на одинъ самый рѣшительный фактъ, — на различіе такъ называемаго *зрительнаго* и *осязательнаго* пространства [этотъ, уже давно подмѣченный фактъ изучается въ настоящее время съ особенною тщательностію, — есть одинъ изъ наиболѣе популярныхъ современныхъ философско-психологическихъ вопросовъ; см. объ немъ въ тщательно составленныхъ и весьма содержательныхъ монографіяхъ современнаго французскаго психолога Дюнана (*Dunan*): 1) *L'espace visuel et l'espace tactile* (три статьи въ *Revue Philosoph.* 1888, t. 25); 2) *Théorie psychologique de l'espace*, Paris, 1895 (монографія, представляющая переработку и дополненіе статей, помѣщенныхъ въ *Revue*); доказательная сила этого факта, въ примѣненіи къ нашему вопросу, мѣтко схвачена и выражена проф. А. А. Козловымъ въ 4 № „*Своего Слова*“, стр. 19—20].

ощущеніяхъ, какъ утверждаютъ другіе, или что-либо другое,—объ этомъ у психологовъ велись и ведутся длинные споры. Не входя въ разбирательство этихъ споровъ, замѣтимъ лишь, что и самъ Кантъ, говоря о пространственномъ *prius'* опыта въ другихъ мѣстахъ своей Критики, не только не настаиваетъ на терминѣ представленіе, но и не выдерживаетъ его, а характеризуетъ этотъ *prius'* или апріорный (доопытный) элементъ опыта, какъ нѣкоторое неразвитое зерно, ненаполненную „форму“ или потенцію,—какъ нѣкоторую почву, на которой, подъ условіемъ апостеріорныхъ данныхъ, развивается отчетливое представленіе о пространствѣ (см. ниже, 3, а). Такимъ образомъ, и при второмъ толкованіи Кантовскаго тезиса, оказывается, что его положеніе: „пространство не есть эмпирическое понятіе“ и т. д. по меньшей мѣрѣ требуетъ ограниченія. И именно, въ противовѣсъ Кантовскому тезису, на основаніи предыдущихъ разъясненій, можно формулировать такое положеніе: *„пространство не есть внѣопытное понятіе: ибо, хотя для отнесенія нашихъ ощущеній во-внѣ дѣйствительно необходимо въ нашемъ духѣ нѣкоторый пространственный prius', но этотъ prius' не можетъ быть истолкованъ въ смыслъ развитаго сознательнаго представленія пространства, а лишь—въ смыслъ зародыша или зерна этого представленія (что согласуется и съ разъясненіями самаго Канта), каковое зерно развивается въ представленіе не иначе, какъ подъ вліяніемъ опыта“.*

Чтобы не показалось, будто мы ставимъ окончательный приговоръ надъ тезисомъ Канта, не исчерпавъ всѣхъ возможныхъ его смысловъ и взявъ его въ значеніи неблагопріятномъ для философа, мы можемъ еще разъ перемѣнить уголъ зрѣнія и, опираясь на заключительныя слова тезиса („поэтому и т. д.“), можемъ протолковать его въ смыслѣ не психологическомъ, но логическомъ,—признать, что Кантъ доказываетъ и разъясняетъ здѣсь не доопытность, не предвареніе опыта представленіемъ пространства (въ порядкѣ временно-психологическомъ), но *независимость* представленія пространства отъ опыта и, наоборотъ, зависимость элементовъ опыта отъ представленія пространства. Тогда ходъ мыслей у Канта можно будетъ выразить приблизительно слѣдующимъ образомъ: „пространство нельзя вывести изъ

внѣшнихъ воспріятій, потому что самыя эти воспріятія возможны только при готовомъ представленіи пространства, — оно не продуктъ опыта, а его условіе и, какъ таковое, предшествуетъ ему, дано первоначально или а priori“. При такомъ пониманіи дѣла, доказываемому положенію дѣйствительно сообщалась-бы непоколебимая твердость; но такое пониманіе нужно предварительно обосновать разъясненіемъ подлинной природы нашего представленія о пространствѣ, какъ именно первоначальнаго, независимаго отъ опыта (априорнаго) условія его (опыта) возможности. Это и дѣлаетъ Кантъ во второмъ тезисѣ.

Тезисъ второй: „Пространство есть необходимое представленіе, а priori, лежащее въ основѣ всѣхъ внѣшнихъ созерцаній (наглядныхъ представленій). Нельзя представить себѣ, будто нѣтъ пространства, хотя вполнѣ можно мыслить, что въ немъ нѣтъ никакихъ предметовъ. Оно признается, слѣдовательно, условіемъ возможности явленій, а не зависимымъ отъ нихъ ихъ опредѣленіемъ и есть представленіе а priori, необходимо лежащее въ основѣ внѣшнихъ явленій“.

Приведенный тезисъ есть необходимое дополненіе къ предыдущему, такъ что оба эти тезиса, говоря строго, образуютъ одну теорему съ двумя доказательствами, — косвеннымъ и прямымъ. Такое взаимоотношеніе обоихъ тезисовъ хорошо выясняетъ Файгингеръ. „Смыслъ перваго аргумента, — говоритъ онъ, — былъ таковъ: явленія *не предшествуютъ* нашему представленію о пространствѣ, (не прежде его), такъ что это послѣднее не можетъ быть отвлечено отъ нихъ; скорѣе мы должны признать, что представленіе о пространствѣ существуетъ изначала и предшествуетъ явленіямъ, а они слѣдуютъ за нимъ, такъ какъ вѣдь они обусловлены пространствомъ. Смыслъ-же втораго аргумента, очевидно, слѣдующій: явленія даны (существуютъ) не безъ представленія о пространствѣ т. е. я не могу представлять явленій *безъ* пространства, слѣдовательно *пространство есть необходимая составная часть явленій*, а чего-либо внѣпространственнаго или непространственнаго нельзя и представить. Эту составную часть пространства я не могу выдѣлить такъ, чтобы самыя явленія *и послѣ этого* все еще оставались, хотя вполнѣ могу продѣлать обратный экспериментъ: могу удалить явленія, а пространство все-таки останется. Слѣдовательно, оно не только предшествуетъ ихъ (явленій) возникновенію, но и остается по ихъ упразд-

неніи. Такимъ образомъ, тогда какъ, по смыслу перваго аргумента, пространство есть необходимый прецедентъ (Präcedens) явленій, по смыслу втораго — ихъ неустрашимый ингредиентъ (Ingrediens). Тамъ пространство признавалось только *не-эмпирическимъ* представленіемъ (отрицательное опредѣленіе), здѣсь утверждается, какъ *необходимое* представление, а priori“¹⁾.

Относительно этого тезиса могутъ быть поставлены два вопроса, которые не вполне покрываютъ другъ друга, не смотря на ихъ сродство. Первый вопросъ касается отношенія пространства къ вещамъ, въ немъ находящимся и можетъ быть формулированъ такъ: дѣйствительно-ли, какъ утверждаетъ Кантъ, вытѣснивъ изъ своего сознанія представленіе о всѣхъ, какихъ-бы то ни было предметахъ, все эмпирическое, чувственное его содержаніе, я, и при такомъ условіи, все-таки буду еще въ состояніи мыслить (созерцать, представлять) самую ихъ пространственную форму, само пространство? Второй вопросъ беретъ пространство само по себѣ, внѣ отношенія къ содержимымъ въ немъ (по обычной теерминологіи) вещамъ, и можетъ быть формулированъ такъ: дѣйствительно-ли мы не можемъ никакимъ образомъ вытѣснить изъ своего сознанія представленія о пространствѣ, такъ что оно обладаетъ для насъ характеромъ абсолютной необходимости и отъ представленій о немъ никогда нельзя освободиться, а кто пытается сдѣлать это, съ тѣмъ, по картинному сравненію Кунофисера, бываетъ тоже, что съ извѣстнымъ господиномъ съ косою у Шамиссо который „поворачивается на право, поворачивается на лѣво, а коса все виситъ у него позади“? На оба эти вопроса²⁾ мы

¹⁾ *Commentar*, II, 196.— Здѣсь кстати отмѣтить одну *корректирующую* подробность: въ началѣ втораго тезиса предъ а priori въ лучшихъ нѣмец. изд., какъ и въ подлинникѣ, стоитъ комма (запятая, — въ русскомъ перев. опущена), которая очевидно, нужна, такъ какъ безъ нея получился-бы плеоназмъ (*необходимость* — признакъ априорности, см. *Commentar*, I, 206) а теперь она имѣетъ смыслъ: „т. е.“ или „вслѣдствіе этого“ (*Commentar*, II, 185).

²⁾ Наши два вопроса соотвѣтствуютъ различію двухъ смысловъ въ Кантовскомъ понятіи необходимости пространства, выясняемыхъ Файнгингеромъ, хотя, какъ сейчасъ увидитъ читатель, и не вполне совпадаютъ съ нимъ. „Очевидно, — говоритъ онъ, — заключеніе Канта мы должны разложить на двѣ составныя части: а) пространство есть необходимое представленіе, а priori;

должны дать отвѣтъ отрицательный и именно по слѣдующимъ основаніямъ.

Во-первыхъ, какъ было разяснено выше, развитое представленіе о пространствѣ (а его предполагаемый досознательный психологическій приусъ здѣсь, очевидно, въ изображеніе идти не можетъ) образуется подъ вліяніемъ опыта (что признаетъ и самъ Кантъ) и, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ тѣми чертами, которыя дѣлаютъ изъ него отчетливый, ясно сознаваемый элементъ мысли, оно обязано опыту и *съ этой стороны и въ этомъ смыслѣ* на немъ основано. Но если такъ, то какимъ-же образомъ, можно утверждать, будто, уничтоживъ все, что дается воспріятіемъ, весь чувственный матеріалъ, мы будемъ еще въ состояніи мыслить пространство, опредѣленные черты котораго именно отъ этого матеріала и заимствованы, подъ его вліяніемъ выработаны? Психологическое возникновеніе (т. е. самый фактъ, что представленіе о пространствѣ имѣетъ въ на-

б) пространство необходимо лежитъ въ основѣ ви́шнихъ явленій—есть условіе ихъ возможности. Первая мысль утверждаетъ необходимость представленія о пространствѣ самаго по себѣ и какъ такого,—въ смыслѣ невозможности вытѣснить это представленіе изъ сознанія, отмыслить прочь (*im Sinne der Nicht—Hinweg—Denkbarkeit*), или,—что тоже,—необходимость для меня, для представляющаго субъекта. Вторая-же мысль утверждаетъ необходимость представленія о пространствѣ для ви́шнихъ явленій, для представляемыхъ объектовъ. Оба эти вида необходимости (у Канта не вездѣ и не достаточно строго различаемые) мы должвы различать лишь терминологически и можемъ всего лучше называть — первую *абсолютною* необходимостію, а вторую *относительною* (или-же какъ необходимость *субъективную* и *объективную*). Говоря строго, изъ доказательства Канта слѣдуетъ лишь *абсолютная* необходимость представленія о пространствѣ, его апріорность (ибо необходимость есть вѣдь признакъ апріорности). Но и относительною необходимостію представленія о пространствѣ (для явленій), хотя она и не слѣдуетъ прямо изъ доказательства, можно, однако, разсматривать въ качествѣ ближайшаго вывода изъ него,—въ качествѣ короларія. Въ самомъ дѣлѣ, если пространство есть необходимо сопровождающее мое сознаніе, апріори данное мнѣ представленіе, отъ котораго я не могу освободиться, которое остается во мнѣ даже и нѣ томъ случаѣ, если я устранию все его содержаніе,—то это столь упорно преслѣдующее меня представленіе, очевидно, есть необходимое условіе и моего представленія о ви́шнихъ явленіяхъ, такъ что никакихъ предметовъ я не могу представить иначе, какъ въ пространствѣ, оно сопровождается всѣ мои представленія о предметахъ, какъ ихъ постоянная основа“... (*Commentar*, II, 193).

шемъ сознаніи своей генезисъ, *вырабатывается* и *развивается постепенно* и въ связи съ данными воспріятіями) дѣлаетъ логически немислимымъ утвержденіе Канта. И не трудно показать, что это такъ и почему именно такъ. Мы представляемъ себѣ внѣшній міръ главнымъ образомъ посредствомъ чувства зрѣнія, почему и субъективной основой нашего представленія о пространствѣ,—въ чемъ согласно большинство психологовъ,—служитъ именно зрѣніе (частнѣе—воспріятія свѣта или цвѣта)¹⁾. Вслѣдствіе этого, когда мы мысленно устраняемъ изъ поля своего зрѣнія всѣ предметы, то представленіе опустошеннаго поля зрѣнія не вполне утрачиваетъ въ нашемъ воображеніи положительный характеръ наглядности и ошутительности,—пространство представляется намъ обыкновенно въ видѣ какого-то клубящагося хаоса съ блѣдно-сѣрой или съ желто-красной (смотря по индивидуальности) окраской. Это воображаемое опустошенное поле зрѣнія, такъ прихотливо расцвѣчаемое, въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей, нашею фантазіею отличается отъ внѣшняго міра, какъ обычной среды нашихъ воспріятій, наполненной опредѣленными предметами, лишь тѣмъ, что, тогда какъ эта послѣдняя обыкновенно имѣетъ форму полушарія, опустошенное поле зрѣнія расширяется нашею фантазіею въ цѣлую сферу, хотя и съ неопредѣленными очертаніями периферіи. Далѣе, эта мысленно опустошенная отъ предметовъ, но удерживающая окраску, расцвѣченная среда или сфера сохраняетъ въ нашемъ воображеніи и свои основныя пространственныя опредѣленія: наше я, какъ психо-физическое цѣлое, есть центръ этой сферы; отношеніемъ же къ этому центру опредѣляются всѣ протяженія или мѣста, занимаемая предметами. Вслѣдствіе такой тѣсной связи нашихъ пространственныхъ представленій съ зрительными воспріятіями, намъ, если нашъ психо-физическій организмъ совершенно нормаленъ (т. е. если мы пользуемся всѣми органами воспріятія и особенно въ данномъ случаѣ важнѣйшимъ, зрѣніемъ),—намъ не только трудно, но положительно невозможно продѣлать надъ собою тотъ опытъ, къ которому приглашаетъ Кантъ и на который онъ указываетъ, какъ на доказательство априорности представ-

¹⁾ См. у *Рилля*: *Der phil Kritik.*, В. II, Ss. 148 слѣд.

ленія о пространствѣ т. е. удержать представленіе о пространствѣ, вытѣснивъ изъ него все его эмпирическое содержаніе и всякія его конкретныя опредѣленія, а въ томъ числѣ и зрительныя. Такъ какъ центръ и источникъ пространства есть наше я, какъ нѣкоторая продуктивная представительная сила, то, хотя-бы намъ и удалось какимъ-нибудь образомъ продѣлать надъ собою этотъ психологическій экспериментъ, „зрительное пространство“, его созерцаемый образъ будетъ возникать снова съ непобѣдимою силою, — до тѣхъ поръ, пока нашъ органъ зрѣнія нормально функціонируетъ и способенъ доставлять намъ матеріалъ для построенія зрительнаго пространства. Живыя зрительныя воспріятія и представленія будутъ властно противодѣйствовать всѣмъ усиліямъ абстрактнаго мышленія обезцвѣтить пространство и превратить его въ простую формальную схему. Человѣкъ слѣпорожденный или лишившійся зрѣнія, правда, представляетъ себѣ пространство безъ опредѣленныхъ зрительныхъ (свѣтовыхъ и цвѣтовыхъ) свойствъ и опредѣленій; но онъ замѣняетъ ихъ показаніями своего осязанія. При томъ представленія слѣпорожденныхъ настолько несовершенны, что бывали психологи и философы, которые совершенно отрицали у нихъ идею пространства. Это, конечно, крайность ¹⁾). Но во всякомъ случаѣ пространственныя представленія слѣпорожденныхъ настолько смутны, что въ ихъ сознаніи пространство въ значительной мѣрѣ или даже и совершенно теряетъ свой экстенсивный характеръ, такъ что изъ величины экстенсивной превращается въ интенсиивную. Выводъ-же отсюда въ примѣненіи къ нашему вопросу тотъ, что по мѣрѣ утраты нами способности (вслѣдствіе утраты нашихъ чувствъ) вносить въ пространство эмпирическія (прежде всего зрительныя) опредѣленія, теряетъ свою опредѣленность и постепенно какъ-бы исчезаетъ и наша идея (представленіе) пространства.

Итакъ, оказывается, что, вопреки Канту, мы не способны удержать въ своемъ сознаніи образъ пространства, изъ котораго было бы удалено все конкретное, опытно данное, содержаніе. Если наша фантазія разстилаетъ предъ

¹⁾ См. объ этомъ у *Dunan'a*: *L'espace visuel et l'espace tactile (Revue philosophique, 1888, t. 25)*.

нами образъ или сферу пространства, то непременно одѣваетъ его какимъ-нибудь чувственнымъ покровомъ и, въ зависимости отъ степени отчетливости и ясности этого покрова, и самое представленіе о пространствѣ получаетъ для насъ опредѣленность и ясность. Мы не можемъ вытѣснить изъ пространства его эмпирическихъ опредѣленій, — очистить отъ нихъ, превратить его въ чистую форму. Этимъ предрѣшается въ отрицательномъ смыслѣ и второй изъ поставленныхъ выше, относительно втораго кантовскаго тезиса, вопросовъ. Очевидно, въ самомъ дѣлѣ, что въ виду изложенныхъ соображеній, необходимость пространства очень условна: „если даны такіе-то и такіа-то воспріятія, ощущенія и т. д., то дано и пространство“. Но если они не даны? Если рѣчь идетъ не о нихъ, будетъ-ли и тогда пространство необходимымъ представленіемъ? Говоря иначе: точно-ли пространство есть безусловно-необходимое представленіе такъ что мы не можемъ отрѣшиться отъ представленія о немъ никогда и ни при какихъ условіяхъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, послѣ всего сказаннаго, очевидно, долженъ быть отрицательный. Если мы не можемъ удержать представленіе о пространствѣ, вытѣснивъ или удаливъ мысленно всѣ его внѣшне-опытныя опредѣленія (вслѣдствіе ихъ неразрывной генетической связи), то и наоборотъ, — мы не можемъ удержать представленія о пространствѣ, если отвлекаемся отъ внѣшняго опыта, переступаемъ за его предѣлы. Кто говоритъ о своей душѣ, какъ о нематеріальномъ, т. е. внѣпространственномъ началѣ, тотъ доказываетъ тѣмъ самымъ возможность отвлечься отъ идеи пространства. И самъ Кантъ дастъ наилучшее доказательство такой возможности, когда утверждаетъ, что подлинная дѣйствительность (т. е. ноуменальный, умопостигаемый міръ вещей въ себѣ) не подчинена условіямъ и формамъ нашего чувственнаго знанія, т. е. не подлежитъ пространственнымъ ограниченіямъ. При сопоставленіи Кантовой теоріи о необходимости пространства съ его ученіемъ о мірѣ ноуменовъ, тотчасъ же оказывается, что необходимость пространства, и съ его точки зрѣнія, условна. Съ научно-же психологической точки зрѣнія условность нашего представленія о пространствѣ вполне очевидна и именно должна быть признаваема въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, про-

странство, очевидно, приложимо лишь къ внѣшнему міру; во-вторыхъ, даже и по отношенію къ этому послѣднему, пространство является познавательною формою не при всѣхъ возможныхъ условіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ, по ученію современной психологіи, наши пространственныя представленія обусловлены нашимъ зрѣніемъ, осязаніемъ и вообще связью нашей души съ организмомъ: то мыслимъ и такой порядокъ вещей, при которомъ вмѣстѣ съ организмомъ отпадутъ и формы нашего чувственнаго (пространственнаго) познанія, такъ что внѣшній міръ явится предъ нашимъ сознаніемъ (послѣ смерти) величиною уже не экстенсивною, а интенсивною,—въ формѣ духовныхъ существей, связанныхъ иными, теперь намъ невѣдомыми, связями и отношеніями.

На основаніи предложеннаго разбора, въ противовѣсъ второму Кантовскому тезису, можно формулировать такой контртезисъ: *„пространство не есть необходимое представленіе, а priori; ибо: 1) судьба представленія о пространствахъ тѣсно связана съ судьбою представленія о вещахъ и вообще съ чувственнымъ матеріаломъ; 2) есть области бытія, къ которымъ мы и теперь считаемъ эту форму познанія неприменимою и, 3) впрямую, для каждаго изъ насъ наступитъ нѣкогда время, когда мы окажемся въ состояніи мыслить даже и внѣшній міръ внѣ этой формы“*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Введенскій.
